

Филипп Киркоров — эксцентричный, экстравагантный, энергичный, сексуальный, капризный, добрый, смешной, строгий, чуткий, непредсказуемый, противоречивый, упрямый, упорный до упрямства. Таким представляют себе патрона работающие вместе с Филиппом девушки. Ожидая, когда в дом вернется старший Киркоров — Бедрос, я попросил каждую из них одним словом определить, каков их кумир и с удовольствием наблюдал, как, ревнуя друг друга, они подыскивали слова. Но вернулся Бедрос.

— Если судить по вашему облику, вы очень доверчивый человек. Но вы себя знаете не только по облику. Вы доверчивый?

— Лицо обманывает даже умного. Отдаю вам долг. Я сразу увидел вас умным. А про доверчивость, если можно так сказать по-русски, моя — среднего размера. Вот у Филиппа — сумасшедший размер.

— Вам знакомы такие выражения: «гвоздь программы» и «куй железо, пока горячо»?

— Да, конечно!

— Как вы думаете, будет ли неизбалованный русский читатель, да еще массовой или бульварной газеты, получать удовольствие, если мы начнем бросать его из бани моих «серьезных» вопросов в снег ваших веселых ответов, или наоборот, когда я научусь у вас задавать веселые вопросы, а вы станете серьезно на них отвечать?

— Ну, мне кажется, что удовольствие от этих неожиданных чередований и перемен он получит.

— Тогда попробуем из давно остывшего, холодного железа выковать гвоздь нашего интервью. Скажите, это правда или легенда, что Филипп полюбил Аллу в восемь лет?

— Да, правда, я свидетель. Произошло это, когда он смотрел ее на «Золотом Орфе»». Полюбил ее песню «Арлекино», полюбил ее творчество, а потом, видно в зрелом возрасте, полюбил и исполнительницу.

— Я думаю, читателю будет интересно, скорее всего, когда он обнаружит нашу с вами искренность. Вы так же считаете?

— Принципиально — да. Но вы меня немного напугали бульварным читателем, и я хочу его напугать, как бы это ни трудно было. Но пугаю. Один умный писатель сказал, и я это люблю не как артист, а по-человечески: «Ценность того, что говорят, не зависит от искренности слов». Так, кажется, правильно.

— Тогда я попробую немедленно разоблачить ваши «ценности», и если получится, вперед будете правдивым.

Бедрос счастливо улыбается.

— Договорились. Интересно услышать.

— Только я могу это сделать, вооружившись острой темой политики. Это журналисту не надо вооружаться, а я скорее писатель, а вернее, ни то, ни другое. Знаете — за двумя зайцами... Мне кажется, что все 80 лет меня убеждали и власть, и, мягко говоря, бесправные журналисты, что нельзя и шагу сделать, не думая о политике. И, как видите, убедили. Вместо того чтобы с вами беседовать, возьму сейчас и вслух «подумаю», например, о торговле оружием, с которой бедная родная наша власть борется прежде всего остального, и чем энергичнее борется, тем больше там и сям оружия продается и покупается. С чем же она еще борется? Забыл. Ах, вот. Кровавая нефть, уступающее золото, иностранные инвесторы, отечественные жулики. Новых 80 лет не хватит, чтобы перечислить, а тем более сообразить...

Бедрос мягко перебивает. Выражение страдания, что перебивает.

— Вы собирались меня разоблачать. Я не очень политику люблю... Ну хорошо. Не умеете по-другому — разоблачайте как умеете.

— Извините, это почти все. Если вы замечали, что ораторы, убеждающие народ в своей любви к нему... Когда хотя бы однажды вы понимали, что эти лжецы и кровососы — первые ненавистники доверяющих им людей, то из этого следует математически, что вовсе вы не доверчивый. Ну как, разоблачил?

Бедрос, утешительно улыбаясь:

и по сей день. Меня мучит беспорядок в квартире.

— Теперь вы предпочитаете одиночество даже самой приятной беседе?

— Да, это меня больше устраивает.

— Тогда объясните, что вам дает одиночество?

— Я уже два года в одиночестве. Остаток в одиночестве меня вынуждает работа, потому

раивает. Лишь бы ему было хорошо.

— Мне кажется, вы все еще под впечатлением, что наблюдали пик, кульминацию счастья, но ведь счастье не бывает долговечным. Может ли случиться, что один из них похоронит другого?

— Это, знаете, трудно сказать. Кто кого похоронит... Может случиться, он ее или она его. Это все в руках Божьих.

— А вы сам как, были счаст-

ленно перестроился на эстраду. Здесь меня больше, чем в Болгарии, узнали.

— Скажите, когда Алла и Филипп решили жить вместе, это все проходило у вас на глазах или он подготавливал вас?

— Нет, не подготавливал. Поставил перед фактом. Сказал: 13-го обручаемся. Потом 15-го он поехал в Ленинград на гастроли, звонит мне и говорит:

влияет на формирование его характера.

— А вы не жалуете? Может быть, слишком много опеки, может быть, лучше, если бы он самостоятельно развивался?

— Он все самостоятельно делает свое.

— Отчего наши дети любят нас меньше нас, чем мы их, а часто просто ненавидят, избегают, стыдятся, стесняются? Филипп вас любит меньше, чем вы его?

— Я думал об этом. Вот, например, я знаю, мама моя за меня умирает. Я, конечно, ее любил тоже как сын, но, видно, меньше любил. И вот так я сейчас чувствую. Это закон жизни. Бог это так сделал.

— Я спрошу вас, но многие люди не отвечают... Не наслышались себя. Вы сильный человек, сумели бы пережить самое страшное несчастье для отца — смерть сына? Вы будете жить?

— Это вообще страшный вопрос. Я не знаю.

— То есть будете бороться, а справитесь ли, не знаете? Оттого что грех не только с собой кончать, но даже и умирать?

— Да, конечно. Конечно.

— Слава... Это избитое место, штамп, но слава портит человека. Славой называются медные трубы, после огня и воды. Пожалуйтесь, расскажите, как это отразилось на Филиппе.

— Мне кажется, что он не испортился от славы. Нет, он остался такой, какой был, если только чуточку там что-то такое изменилось. Как говорится, более капризный или не капризный, а я бы сказал, требовательный. Нет, слава его ни сколько не испортила.

— Не вспомните ли вы какой-то фантастический пример его отзывчивости, доброты?

— Вот три года назад он получил какую-то крупную сумму и решил ее дать церкви. Около стадиона на проспекте Мира есть церковь. Он узнал, что она нуждается в деньгах. Пошел туда и всю сумму отдал. Три года назад 300 тысяч были огромные деньги. И сейчас реставрируют церковь. Получилось так, что мать отпевали в этой церкви. Видите, как...

— А доброта в обыденной жизни?

— Да, он добрый, он добрый. Не вспомните, чтобы он поступил совершенно необычным образом с кем-нибудь?

— Он многих прощает. Он незлопамятный. Другой человек поступил бы более резко, а он прощает.

— Скажите, откуда это идет? Вы никогда с женой не ругались?

— Нет, нет. Он это не видел ни разу, как мы ругались. Он очень трудоспособный. Закончил с золотой медалью. Ни разу мы не говорили ему: садись делай уроки или что-нибудь в этом роде. Он очень старательный. Он хотел везде быть первым: в школе, в музыкальном училище. Стремился делать точно, хорошо, приходил — и сразу садился делать уроки. Или поиграй — нет, пока не сделаю, не пойду. И вот так и был везде первым. Хочу прочесть его единственное стихотворение, написанное им в 12 лет.

Падает снег, и на улице холод — 1 января.

Грустно становится, хочется думать: Годы пропали зря. Годы летели, летели, как птицы, летели, как птицы. Куда? Куда неизвестно, но быстро летели без совести и стыда.

Уже мне 12, полжизни прожито — 1 января.

Грустно становится, хочется думать: Годы пропали зря.

— Многие люди выбирают профессию случайно и ненавидят свою работу. В какой мере это касается вас, Филиппа, Пугачевой?

— Я о себе могу сказать. Я как бы люблю есть работу, а не она, чтобы ела меня. И ее делаю, я изобретаю как лучше. И открываю какие-то ступени быстрого, хорошего порядка вещей, книг. В ходе работы я нахожу еще какие-то детали, которые меня радуют.

— Последний вопрос. Что с лентой жизни? Промелькнула?

— Вот мы долго чинили диктофон, починили, хотя как будто кто-то вставлял палки в колеса. И в кружение, движение ленты жизни также, мешая, кто-то «вставлял палки», но она пошла...

Беседу вел Олег ЮЛИС.

Филипп — звезда программы Бедроса Киркорова

Теперь к ним присоединилась Алла

— Нет. У вас лучше получается не разоблачить человека (видите, никак не могу это слово приручить), а давать болтливость. Дело в том, что у политиков одно на душе, а на языке другое. И даже Ельцина начало мне нравилось, а теперь нет. Но все равно любая политика — это хоть и не искусство, но об этом приходится думать. И все люди средних размеров ума, или доверчивости, или что-то еще, любят всегда свое. Много будет чести политикам, если поменяют ради них убежденность или что-нибудь важное.

— Вы знаете, что у тех людей, которых коснулась смерть, было ощущение, как будто промелькнула вся жизнь. Представьте себе, что за час нашей беседы пробежит вся лента вашей жизни. Вы будете рады или это вас будет тяготить?

— Я буду рад, что все прошло и я вижу снова.

— Мы с вами одного возраста, но этот вопрос не меня одного интересует. Вы мне можете сказать об ощущении всей вашей жизни. Она промелькнула как один день или тянулась долго-долго?

— Наверное, промелькнула. Да (уверенно). Очень быстро, просто мгновение.

— Каких вы знаете своих предков, кого любите из них? О ком-нибудь сегодня вспомните впервые — себе на удивление?

— У меня был дед. Такой солидный человек, сапожник по профессии. Он был крупный человек, два метра ростом, широкоплечий человек. Никогда не носил шляпы, не надевал пальто. Никогда не болел, он был спартактом — я правильно говорю? Никогда не занимался спортом. Был очень разумный, у него до конца оставалась ясная память.

Моя мама тоже взяла от него все это, тоже была разумной женщиной. Папа был более легкомысленным. Вот этих людей я вспоминаю. Я также вспоминаю бабу.

— Вспышка жизни, которая, может быть, промелькнет, как мы назовем ее — вспышкой счастья или каким-нибудь другим словом?

— Светло, светло, светло, но и шума было много, было разочарование. Борьба была тяжелой.

— Вы согласны со мной, что у вас очень открытое лицо, и, наверное, вы этим гордитесь. Вы невольно стремитесь быть правдивым или вами был дан обет Богу или самому себе?

— Самому себе? Это не припоминаю. Может, было в юности, когда мотался туда-сюда, врал что-то. Где-то обманывал в юности. Когда искал дорогу. В зрелом возрасте этого не было.

— Скажите, а в возрасте 8 лет вы себя помните, какой вы были?

— Я был трудолюбив. Драчливым не был, но был очень непослушный. Я делал много таких вещей, за что и получал. Был темпераментный, не мог усидеть спокойно.

— Любимое ваше занятие от 8 до 12 лет: футбол, рогатка, плавание?

— Нет, плавание любимым занятием у меня не было, хотя на море родился, но не научился плавать. Я очень любил заниматься уборкой, поддерживать порядок. Это сохранилось

■ Бедрос, еще не ставший отцом поп-звезды.

что я сейчас готовлю концертную программу, буду выступать, хотя на пенсию вышел.

— Два слова, что это за концерты?

— Концерты, мои концерты, которые я пою.

— Злые языки говорят: Филипп так высоко поднялся оттого, что это сделала Алла.

— Нет, он до этого был на высоте, до этого был популярный. Он сделал ей предложение, когда был звездой. Союз знал его уже. Когда он уже в Америке, Австралии, Израиле несколько раз был, в Германии.

— Может быть, он ждал, ему было неловко? Может быть, он и раньше предпринял бы какие-то шаги?

— Он до того момента не хотел открываться, пока не стал бы популярным. Иначе подумали бы, что она сделала ему славу.

— Допускаете вы, что за счет популярности сына сделаетесь более популярным со своими концертами?

— Может быть, да. Его знают уже больше, чем меня. (Весело.)

— Жаль, что гвоздь программы может быть только один. Но будем его рубить на кусочки. Например, скажите, что вы чувствуете: как сложится его отношения с женой?

— Это только в руках Господа, одного Господа. Как сложится. Никто не сможет предвидеть, что будет завтра. Вот пойдешь — и кирпич упадет на голову, или наоборот. Никто не располагает, как бы сказать, сведениями, никто не может предначертать свой путь. Я знаю только, что они счастливы, и он, и она. А как дальше будет...

— У родителей чаще всего есть какие-то претензии, обиды, в 90 процентах случаев им не нравится выбор сына или дочери.

— Меня стопроцентно устраивает. Лишь бы ему было хорошо.

ливы с женщинами, как в этом случае сложилась ваша жизнь?

— У меня были отношения очень хорошие. Свою супругу я любил и люблю еще. Ее нет, но все равно. У меня никогда не бывает такого, что я понимаю ее смерть. Жалею, что она так рано ушла, что так случилось. Но мне кажется, что одному мне будет тяжело, поэтому не знаю, как сложится дальше, за себя сказать не могу. Может, увижу человека, понравится мне и я женюсь второй раз.

— А до того, как нашли вашу жену, вы были влюбчивы, развратны?

— Разврат — нет, но влюблялся. Они убежали, я убежал от них, они за мной гнались. Бывало.

— Вы не принесли горя какой-нибудь девушке, никого не обманули?

— Нет. Я расстался по-хорошему. Просто никому не давал обещаний, что женюсь. Этого не было.

— Что вас делало таким добрым и порядочным человеком?

— Я увлекался творчеством, вокалом. Например, когда начал заниматься, мне педагог сказала: «Имей в виду, за тенорами бегает очень много девушек, женщин. Это вредно для голоса, значит, надо быть аккуратным». Я этого принципа придерживался. Поэтому не курил, не пил. Этих слабостей человеческих у меня не было.

— Где больше популярен Филипп — в Болгарии или Союзе?

— В Союзе, в Союзе популярен.

— Отчего так получилось?

— Потому что он начал в Союзе. Родился в Москве, учился в Москве, начал в Москве выступать. Я тоже начал на эстраде. До этого был классическим певцом, пел оперные партии и тому подобное. Потом посте-